

102

ПОЦЕЛУЙ

ДЖЕССИКА ГИЛМОР

Две ночи в Лондоне

 HARLEQUIN® KISS™

Поцелуй – Harlequin

Джессика Гилмор

Две ночи в Лондоне

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Гилмор Д.

Две ночи в Лондоне / Д. Гилмор — «Центрполиграф»,
2015 — (Поцелуй – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06715-9

Богатая дама оставила все свое состояние любимой крестнице Элли Скотт и внучатому племяннику Макс Лавдею. По условию завещания все решения по расходам они обязаны принимать сообща. Возмущенный до глубины души, Макс врывается к Элли, уверенный в том, что обнаружит мошенницу, обманувшую доверие его родственницы, а встретил очаровательную, умную, искреннюю девушку. Роман начался сразу, вот только оба не знают, долго ли он продлится...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-06715-9

© Гилмор Д., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джессика Гилмор

Две ночи в Лондоне

Посвящается Джо, Роуз и Сэм – лучшим крестным, о которых только может мечтать девушка. Спасибо вам за заботу и поддержку, которую вы подарили моей дочери, ей очень повезло, что в ее жизни есть вы.

Я вас очень люблю.

Джессика

Глава 1

– О чем, скажи на милость, ты думал? – прокричал взбешенный Макс Лавдей, ворвавшись в кабинет отца с пресс-релизом в руке.

Отец сидел в кресле, отвернувшись от стола, и смотрел в окно. По-видимому, город его вдохновлял.

– Зачем, объясни, «Ди-эл медиа» сайт знакомств?

Более того, где взять миллионы долларов, которые отец решил заплатить за это? За последний год компания значительно урезала бюджет и просто не выдержит такие гигантские траты.

Стивен Лавдей повернулся и посмотрел на сына глазами невинного ребенка. Макс отлично знал, он придает лицу такое выражение, когда что-то задумал. Случалось это довольно часто.

– Макс? Рад тебя видеть. – Его голос был сладок, как патока, глаза смотрели с отеческой нежностью, на лице расцвела радушная улыбка. Жаль только, что при таком обаянии этот человек начисто лишен деловой хватки. – Когда ты вернулся из Сиднея? Будто Макс не отправил сообщение, как только приземлился.

– Два часа назад.

– Рад, что ты сразу пришел навестить меня, мой мальчик, но в этом не было необходимости. Сегодня можешь позволить себе выходной.

– Не могу, к сожалению. – Нельзя позволять отцу увести разговор в сторону. Макс потряс листом бумаги, переданным личным секретарем, едва он переступил порог своего кабинета в «Ди-эл медиа». – Объясни, что все это значит? Почему ты не посоветовался со мной?

Отец наклонился над столом и подпер руками подбородок. Такое выражение лица он, должно быть, подглядел в каком-то фильме. Мудрый патриарх.

– Макс, я понимаю, твой дед многое тебе позволяет, но хочу напомнить, что компания принадлежит мне. Пока. Им с отцом принадлежало по трети активов, но самое главное, управление еще одной третью, обеспечивающей владение контрольным пакетом, было передано отцу до времени его выхода на пенсию. Затем это право перейдет к Максиму. Разумеется, если к тому времени компания еще будет существовать. Правда, возможен и другой вариант. Макс предъявит вотум недоверия.

– Дед не позволял мне ничего особенного. – Сдерживать напряжение становилось все труднее. Отец делает все, чтобы перечеркнуть годы тяжелой работы и свести к нулю достижения. – Он просто доверял мне и моим решениям.

В отличие от тебя. Фраза осталась невысказанной, но обоим было понятно, что имеется в виду.

– Послушай, у нас есть пятилетний план. – Который отец намеренно игнорирует. – Он помогает избежать убытков и преодолеть финансовый кризис. Нам надо сосредоточиться на

основной стратегии и не отвлекаться на... – Макс пытался подобрать подходящие слова. Блестящие новые игрушки радуют, но на поверку очень мешают, – подобного рода инвестиции.

Стивен Лавдей вздохнул и посмотрел на сына с сожалением.

– Проблема твоего деда в том, что он был человеком недальновидным. Да, он знаком с журналистикой и печатным делом, но книги больше никому не нужны, Макс. Настало время цифровых технологий.

От удивления Макс открыл рот и с сомнением посмотрел на отца, у того на лице появилось выражение заядлого игрока в покер. Дед был не дальновидным? Неужели отец серьезно?

– Он создал «Ди-эл медиа». Сделал нас известными во всем мире.

Отец, похоже, намерен растиражировать это имя. Как это говорят? Одно поколение создает, второе увеличивает, а третье транжирит? Он решил ускоренными темпами подтвердить верность поговорки?

Руки сами собой сжались в кулаки. Необходимо что-то предпринять.

– Этого хотят все, Макс. Ты видел, какова концепция? Идеальный план! Допустим, тебе скучно, ты хочешь поразвлечься, регистрируешься и смотришь, кто свободен, списываешься, назначаешь встречу, бронируешь столик в ресторане и такси до дома. Если все пойдет хорошо, можно даже зарезервировать номер в отеле. Мы произведем революцию в онлайн-знакомствах.

Возможно. Но зачем издательскому дому сайт знакомств? Макс, больше не в силах стоять перед отцом, как нерадивый школьник перед директором, заходил взад-вперед по кабинету, разглядывая устланный толстым ковром пол.

– Мы не можем себе это позволить, папа. Более того, проект далек от нашего основного направления, не согласуется со стратегией развития.

– Это придумал твой дед, а не я. Мы должны идти в ногу со временем.

Он с трудом подавил вздох.

– Я понимаю, поэтому мы стали первыми продавать электронные книги и издания в электронном формате. Наши путеводители и разговорники лидируют на рынке благодаря разумной идее с подпиской, газеты тоже приносят прибыль.

Разве он должен объяснять отцу подобные вещи? Макс всегда знал, что именно отец унаследует контрольный пакет, несмотря на то что последние тридцать лет только создавал видимость работы. Ему было отлично известно, как непросто далось деду это решение и как близок он был в какой-то момент к тому, чтобы передать право внуку, однако не смог унизить перед обществом единственного сына. Пришло время расплачиваться за это решение.

Повисло гнетущее, все больше затягивающееся молчание, которое было нарушено мелодией хип-хопа, вырвавшейся из сотового отца. Такой звонок подходил скорее безалаберному подростку лет пятнадцати, но никак не пятидесятивосьмилетнему мужчине в костюме ручной работы и шелковом галстуке. К еще большему удивлению Макса, отец схватил телефон, покачивая головой в такт музыки, и расплылся в улыбке.

– Милая?

Из трубки послышалось хихиканье. Чтобы понять, кто это, совсем не обязательно слышать голос, на это указывала несуразная мелодия, сентиментальное выражение лица отца и его тошнотворно-приторный тон.

Роман начался шесть месяцев назад, и, зная отца хоть немного, можно было предположить, что к настоящему моменту отношения должны закончиться. Впрочем, в последнее время поведение отца становится все менее предсказуемым. Он и на этот раз не афишировал свои отношения, не собирался расставаться с матерью Макса, но позволил себе свить с любовницей гнездышко в пентхаусе в Хартфорде. Обычно романы Стивена Лавдея были яркими и краткими, но всегда тайными. Сейчас же все выглядело серьезно.

Он поднял глаза на Макса:

– Мэнди передает тебе привет.

Макс пробормотал что-то невнятное. О каком соблюдении приличий идет речь, когда привет передает любовница отца на много лет его моложе. Кроме того, это особа когда-то работала личным секретарем Макса. Кстати, в те времена она столько не смеялась.

Желая чем-то себя занять, пока отец воркует с возлюбленной, Макс достал телефон и стал просматривать почту. Письма множились, как головы гидры, стоило удалить десяток, как через некоторое время появлялось столько же новых. Несмотря на то что во главе компании отец, в последний год Макс работает втрое больше прежнего. Шестнадцать часов в день семь дней в неделю.

Он нахмурился. Удалить. Удалить. Точно удалить. Открыв следующее письмо, замер. Опять Элли Скотт? Что нужно этой чопорной даме? Пару месяцев назад, получив очередное послание, он попытался представить ее лицо. Вероятно, она одного возраста с покойной сестрой его деда, скорее всего, носит твидовые костюмы и очки для чтения обязательно в роговой оправе. И конечно же играет в бридж и гольф, непременно в ботинках броги, а на завтрак поглощает рыбу и тончайшие тосты.

Подобное впечатление возникло на основании британских сериалов об английских старых девах, кроме того, повелительный и властный тон писем подсказывал, что такие оценки недалеки от истины.

С чем связана настойчивость? Она писала об обязательствах, требовала информацию и, хуже всего, личного присутствия Макса. Это повторялось в течение последней недели почти ежедневно. Вполне объяснимо, что деньги, оставленные тетушкой для учреждения литературного фестиваля в крошечной деревне на краю земли важны для мисс Скотт, но у него сейчас много работы. В какой-то момент Макс задумался об отказе от завещанных ему обязанностей или передаче их доверенному лицу вместе с правом разбираться с домом, упомянутым в бумагах. Сейчас необходимо разобраться с тем, что натворил отец, ни на что другое времени нет.

Без колебаний Макс удалил и это письмо и принялся просматривать следующее, затем следующее, но внезапно замер. В голове промелькнули мысли, он покрутил список, возвращаясь к пройденному.

Нарушения...

Доля компании...

Ваша тетушка...

Двадцать пять процентов...

Он заморгал и покосился на отца. Известно ли ему? Возможно ли, чтобы дама столь преклонных лет владела четвертью компании после того, как устранилась от работы и от семьи? Та самая тетушка, что завещала ему дом и все свое имущество? Это ведь многое меняет.

Может, мисс Скотт принесет удачу, а поездка в Корнуолл даст именно то, на чем настаивал адвокат?

– Извини. – Отец пребывал в замешательстве и одновременно в воодушевлении. – Я был бы очень тебе благодарен, если бы ты переговорил с матерью.

Вот опять. Сколько раз он просил не впутывать его в бесконечные выяснения отношений, поскольку, будучи все же втянутым, Макс клялся себе не допустить подобного вновь. Но должен же быть хоть один ответственный человек в семье, и случилось так, что, несмотря на возраст, этим человеком стал именно он.

Нет, на этот раз он не позволит.

– Думаю, лучше тебе встретиться с ней самому.

Отец заметно погрузтел и принялся перебирать скрепки на столе, теперь уже смущенный и даже подавленный.

– Адвокат сказал, лучше поговорить с ней откровенно. – Он старался не встречаться взглядом с сыном.

Время остановилось, и казалось, все вокруг замерло на несколько секунд, как бывает в современных художественных фильмах.

– Адвокат? Папа, объясни, зачем тебе адвокат?

– Скоро ты станешь старшим братом. Макс едва не задохнулся. Кем он будет?

– Мэнди беременна, и мы обручились. Как только твоя мать перестанет упрячиться, мы разведемся, и я женюсь на Мэнди. Хочу, чтобы ты был другом жениха у меня на свадьбе.

Отец поднял глаза и просиял, словно вручил сыну великую награду.

– Разведетесь? – Макс покачал головой, пытаясь стряхнуть наваждение. Он не ослышался? О каком старшем брате идет речь, они сейчас должны обсудить совсем не то. – О чем ты, папа? Ты столько раз влюблялся, и лишь для того, чтобы понять, что, кроме мамы, тебе никто не нужен.

На его памяти не менее восьми раз, но отец никогда не заговаривал об адвокате.

– Она хочет пятьдесят процентов моей доли в компании. И желает получить их наличными. «Ди-эл» не может такого позволить, да и я тоже. Ты обязан с ней поговорить. Больше она никого не слушает.

Она хочет... что? «Ди-эл медиа» сейчас точно не вынесет такого. Как и расходов, шумихи и всего, что обычно связано с разводом. У него два пути: помочь отцу или попробовать добиться от него права распоряжаться той третью, которая позволяет получить контроль над компанией.

Какое бы решение он ни принял, это приведет к шумихе в прессе, слухам и раздорам в семье. Всему тому, чего дед всегда пытался избежать.

Кровь ударила в голову, заломило виски. Придется объясняться с мамой, советом директоров, отцом, решать насущные проблемы и думать о том, как удержать компанию на плаву. Черт, нужно что-то сказать отцу.

Стивен Лавдей смотрел прямо на него, но Макс был не в силах встретиться с ним взглядом и принялся разглядывать акварель на стене – одна из немногих вещей, принадлежащих деду, уцелевших после ремонта кабинета. Над морской гладью с хохолками волн простиралось ясное небо, за гаванью покрытые зеленью холмы. Тренгарт – деревня, родина прадеда, которую тот покинул много лет назад. Максу казалось, что он чувствует соленый вкус морского воздуха и слышит, как волны бьются о причал.

– Ближайшие две недели меня не будет. Лондонский офис ежедневно просит о помощи, кроме того, мне надо разобраться с наследством тети Демельзы. Придется тебе самому решать эти вопросы, папа. И умоляю, не жертвуй всем ради очередного увлечения.

Макс направился к выходу, даже не дрогнув, когда отец бросил ему в спину:

– На этот раз все по-другому, я люблю ее. Правда.

Сколько раз он это слышал? Стремление отца потакать собственным прихотям создало семье немало проблем.

Любовь. Нет уж, увольте. Он перестал верить в нее, как в Деда Мороза и в то, что жизнь справедлива. Настало время и отцу повзрослеть и понять, что семья, положение в обществе и компания должны стоять на первом месте. Макс этот урок усвоил много лет назад.

– Элли, дорогая, я как раз размышляла о литературном фестивале.

Элли Скотт, переставлявшая книги на полке, повернулась и лишь закатила глаза. Разумеется, она не против изменений в Тренгарте, как и в собственном магазине, в конце концов, одна из радостей ее работы в наблюдении за тем, как расширяются горизонты заходящих сюда людей. Однако, когда об этом заговаривала ее трудолюбивая, добрая и чрезвычайно способная помощница, о чем мисс Скотт напоминала себе три миллиарда раз, хотелось сесть в лодку и грести куда глаза глядят, подальше отсюда. А еще лучше отправить в это путешествие по морю-океану саму миссис Трелони.

– Как это чудесно, миссис Трелони. Только не растеряйте свои мысли, ведь скоро нам нужно начинать готовиться.

Помощница отложила тряпку и фыркнула:

– Что ж, придется вам поверить, Элли. Знаете, я вас защищала, говорила: «Она ведь наследница. Да, это странно, что мисс Лавдей оставила свои деньги Элли, а не кому-то, кто родился и вырос здесь, но, в сущности, она заботилась о Тренгарте».

Мисс Скотт не смогла сдержать вздох.

– Миссис Трелони, вам известно не хуже меня, что я ничего не могу изменить. Доверенных лица два, и мы должны действовать вместе. Пока племянник мисс Лавдей не почтит нас своим присутствием, у меня связаны руки. И да, – она многозначительно посмотрела на помощницу, открывшую было рот, – я отправила ему письмо. И еще умоляла адвокатов с ним встретиться. Я, как и вы, мечтаю скорее начать.

– Ах, это же целое состояние. – Немолодая женщина возвела глаза к небу, подтверждая, насколько она в действительности импульсивна.

Мисс Скотт не сочла нужным в очередной раз объяснять ей, что мисс Лавдей оставила состояние не ей одной, и она не собирается сидеть в одиночестве на куче денег, глядя с высоты на нищую деревню. Формулировка была предельно четкой: сумма передается в распоряжение Элли и второго доверенного лица с целью организации литературного фестиваля в Корниш-Виллидж.

К сожалению, далеко не каждый житель небольшой рыбацкой деревушки был уверен, что фестиваль – именно то, что принесет пользу местному обществу, а многие и вовсе считали, что Элли Скотт может распоряжаться наследством Демельзы Лавдей по своему усмотрению. Напрасно она пыталась объяснить, что не имеет права тратить деньги как заблагорассудится, хотя им необходимо и отремонтировать здание поселковой администрации, и построить новую детскую площадку, но у нее руки связаны.

– Послушайте, миссис Трелони, я знаю, как вам не терпится начать и сколько у вас замечательных идей, поэтому обещаю, если племянник мисс Лавдей не свяжется со мной в ближайший месяц, я лично отправлюсь в Америку и заставлю его работать.

– Пф, – прозвучало в ответ. Непонятно, связано это с полнотой чувств миссис Трелони или с обилием пыли на полках.

Элли не осуждала помощницу за сомнения. Откровенно говоря, она сама не представляла, как заставить неуловимого Макса Лавдея им помочь. Воображала, как заходит в его пентхаус в Нью-Йорке, садится в его личный самолет, отлично понимая, что, к сожалению, очередное грозное послание не пробудит в нем те эмоции, на которые она рассчитывала. Не говоря о том, что не представляла, где его искать.

Элли оглядела полку, на которой разместились богатая коллекция книг для чтения на широком песчаном пляже Тренгарта. С этим же экземпляром можно свернуться калачиком под пледом, когда погода не оставляет никакой надежды. Осталась всего неделя до школьных каникул, и тогда сезон будет открыт. Весьма короткий сезон, надо заметить, а потому Тренгарту просто необходимо нечто, привлекающее туристов в оставшееся время. Возможно, фестиваль стал бы прекрасным решением. Если все же удастся его организовать.

Она осторожно покосилась на помощницу. Добродушная и разумная миссис Трелони всю жизнь прожила в деревне, разумеется, ей больно видеть, как Тренгарт пустеет, а многие дома стоят закрытыми с октября до самой Пасхи.

– Если в ближайшие две недели я не получу ответа, подумаю, как нам заменить мистера Лавдея более подходящей кандидатурой. Адвокаты непременно должны что-то предпринять, раз он не желает подходить к делу со всей ответственностью. Однако меньше всего мне хочется потратить наследство на оплату услуг юристов. Ведь дело может затянуться не на один месяц. Очевидно, стоит запастись терпением.

Неуловимый Макс Лавдей работал в «Ди-эл медиа» – одном из шести крупнейших издательств в мире. И не важно, редактор, бухгалтер или посыльный, кем бы он ни был, должен быть заинтересован в сотрудничестве. Больше, чем она – владелица небольшого книжного магазинчика в далеком тихом уголке на краю земли.

Звякнул дверной колокольчик, Элли повернулась, довольная возможностью прекратить тягостный разговор.

Нельзя сказать, что посетитель выглядел так, словно собирался ее осчастливить, судя по плотно сжатым губам и брезгливому выражению лица, появившемуся после изучения корешков книг. Весьма печально, поскольку в остальном его наружность не вызвала нареканий. Обычно покупателями мисс Скотт были пожилые жители деревни. Молодежь и красивые мужчины заходили нечасто, этот же обладал обоими качествами вместе. Она уверенно определила, что ему еще нет тридцати. Высокий, темные волосы аккуратно подстрижены, проступающая щетина на подбородке, глаза карие, даже скорее карамельные. Однако взгляд тяжелый и почему-то направлен на миссис Трелони.

Господь всемогущий, в чем же провинилась несчастная помощница? Она наслышана о некоторых разногласиях в комитете мероприятия «Деревня в цвету», но вряд ли мужчина явился по этому поводу.

Впрочем, она может ошибаться. Совсем недавно неподалеку обосновались несколько молодых садоводов, возможно, он один из них.

– Мисс Скотт?

Пошатнувшись от резкого тона, Элли сделала шаг вперед. «Это твой магазин. Держись! Никто не имеет права указывать тебе, что делать. Больше никто и никогда», – убеждала она себя.

– Я Элли Скотт. – Переключив на себя внимание, она избавила помощницу от тяжелого взгляда посетителя. – Чем могу помочь?

– Вы? – В голосе появились нотки сомнения, мужчина быстро смерил ее недоверчивым взглядом. – Этого не может быть! Вы совсем девочка.

– Благодарю, но мне уже двадцать пять, так что я вполне взрослая.

Американский акцент сразу дал понять, кто перед ней. Второе доверенное лицо. Он выглядел уставшим и невыспавшимся, это вполне объясняло столь бестактное поведение. Чашка кофе и кусочек кекса приведут его в норму.

– Пожалуйста, называйте меня Элли. Вы ведь Макс? Рада с вами познакомиться.

– Значит, это вам моя тетушка оставила половину своего состояния? – Мужчина побледнел, в глазах вспыхнули золотые искорки. – Скажите, мисс Скотт, – он попытался взять ее за руку, посмотрел прямо в глаза, отчего Элли похолодела, а каждое новое слово, слетавшее с его губ, ранило ее с новой силой, – что, по-вашему, позорнее: соблазнить ради денег старого женатого мужчину или одурачить пожилую женщину? Что скажете?

Глава 2

Макс вовсе не собирался давать волю гневу, зашел забрать оставленные для него ключи от дома тетушки и сообщить напористой мисс Скотт, что разбираться с донкихотской щедростью престарелой леди он будет в удобное для себя время. Он, конечно, был ошарашен. Как быть со старой девой, засевшей в его воображении? Он никак не ожидал увидеть перед собой тоненькую, аккуратно одетую, немного бледную девушку. Она показалась ему крошечной, хотя он и заметил красоту ее огромных глаз и темных волос, цвет которых казался скучным ровно до той секунды, когда на них упал из окна солнечный луч, подчеркнув шоколадные и золотистые пряди.

Она вовсе не похожа на мошенницу, скорее на девочку со спичками из сказки. Может, сочувствие и жалость, которые испытывали к ней люди, и стали ее оружием? Он не предполагал, что придется работать с девушкой младше его. Внешность Элли Скотт напоминала о последнем поступке отца, несмотря на то что она на первый взгляд не обладала ни одним из качеств Мэнди. Она осмелилась нарушить тягостную тишину.

– Простите? – Голос ее дрожал, глаза смотрели с возрастающим напряжением.

Макс был потрясен сдавившим сердце чувством вины. Сказать такое – все равно что убить Бэмби.

– Думаю, вы меня отлично поняли.

Ему стало неловко оттого, что их разговор проходит при свидетеле. Угловатая старушка в твидовом костюме смотрела на него со строгостью теннисного судьи. Так и хотелось дать ей попкорн и содовую и пожелать приятного просмотра.

– Я даю вам шанс отказаться от наследства и принести свои извинения.

Элли заговорила иным тоном, стальные нотки в голосе заставили его обратить внимание на волевой подбородок и прямые, резко очерченные брови – свидетельство скрытой силы характера.

– А я бы рекомендовала вам покинуть мой магазин и вернуться, когда вспомните о хороших манерах.

Он ослышался?

– Что?

– Вы меня отлично поняли. А если не намерены вести себя вежливо, лучше не возвращайтесь.

Макс смотрел на девушку во все глаза. Несмотря на уверенный взгляд, подбородок ее чуть дрогнул. Что ж, отлично. Он повернулся и распахнул дверь.

– Я еще не закончил, моя дорогая, и непременно выясню, каким образом вам удалось втереться в доверие к моей тете, и до последнего пенни верну все, что вы от нее получили.

Дверь захлопнулась, вновь бодро звякнул колокольчик.

* * *

Несмотря на июль, погода в Корнише решила спутать сезоны. В отличие от теплого бриза в Коннектикуте здесь господствовал холодный ветер, пробирающийся под футболку и покрывающий тело гусиной кожей. Макс поежился, холод пробирал буквально до костей. От гнева в голове неожиданно прояснилось. Черт, о чем он думал? Точнее, совсем не думал. Проклятье. Как можно так оплошать?

Он глубоко вздохнул, соленый морской воздух заполнил легкие. После долгого перелета и еще более долгой поездки от аэропорта до этого медвежьего угла не следовало являться в магазин сразу. Стоило отдохнуть и успокоиться, а главное – забыть о разговоре с отцом.

Он и представить не мог, что отец совершит подобную глупость, как только он немного ослабит контроль. К чему их приведет гнев и уязвленное самолюбие мамы? Ладно, проблемы родителей, ему надо думать о компании. Макс пошел вниз по крутому извилистому тротуару. В этом отдаленном юго-западном районе Англии он ощущал себя словно на краю земли. Размышлял о предках, некогда уехавших отсюда, семейных узах, кровавой Первой мировой и Англии, о людях, решивших перебраться через пролив в поисках лучшей жизни.

И вот теперь он здесь. Все в этом мире движется по кругу.

Он огляделся, рассматривая это самое «здесь». Запах моря напоминал об отдыхе, но Тренгарт отличался от Кейп-Кода, как американский футбол от английского.

Книжный магазин – одно из беспорядочно разбросанных по дороге заведений на склоне холма, на вершине которого, окруженный домами поменьше, стоит дом тетушки Демельзы. Теперь его дом.

Возможно, там есть кофе и какая-нибудь еда. А главное, кровать. Макс уповал на то, что сможет найти решение.

Если спуститься вниз, можно выйти к морю и прогуляться по побережью. Повернуть налево, пройти к старой гавани, в которой и сейчас немало рыбацких лодок. Круизные суда и яхты здесь не останавливаются. На холме над гаванью еще сохранились старые дома рыбаков. Впечатляющее смешение красок и стилей.

Если же пойти направо, окажешься на улочке с магазинами. Она внезапно прерывается у дамбы, а по ней можно добраться до широкого пляжа, где сейчас, как и в любую погоду, разрезали волны серфингисты, издали похожие на темные пятнышки.

Через час он мог бы к ним присоединиться. Например, взять в аренду лодку. Макс усмехнулся. Лучше не думать о прогулках по холодному морю. Разве что забыть об обязанностях и на время стать простым американским туристом, решившим вспомнить о своих корнях. Однако ему, как Атланту, никогда не избавиться от тяжелого груза.

Место показалось ему прекрасным и каким-то знакомым, что странно, хотя, возможно, и нет. Отец сохранил несколько акварелей с изображением этих мест, а на той, что висит в кабинете, запечатлен именно этот вид. Определенно это худшее место, откуда можно начинать путь вперед.

Сейчас ему необходимо попасть в большой белый дом, ключ от которого по-прежнему у Элли Скотт, а значит, придется проглотить унижение и вернуться в магазин. Сейчас он с удовольствием проглотил бы что-то еще, но не столь горькое на вкус.

– Спокойно, – пробормотал он себе под нос и посмотрел на пролетевшую над головой чайку. – Ничего страшного.

Придется вернуться и провести процедуру знакомства еще раз.

Элли стоило больших усилий справиться с бурей чувств и продолжать работать. Она выдержала удар, верно? Не дрогнула, не расплакалась и не стала предпринимать попытки что-то объяснить этому ужасному человеку. Она была спокойна и сдержанна. По крайней мере, внешне. Однако сейчас хотелось сесть в кресло-качалку и вволю поплакать. Насмешливый тон, холодное презрительное выражение лица вызвало в ней больше эмоций, чем она была готова себе позволить. Ей потребовалось три года, чтобы заглушить воспоминания о его поведении, а теперь предстоит еще три года заниматься тем же самым. Всего за пять минут Макс Лавдей умудрился выпустить на свободу всех ее демонов. К черту его. К черту ее дрожащие колени и руки, столь откровенно выдающие внутреннее состояние. Надо вспомнить о том, что она сильная и выше этого.

Никогда Элли так не радовалась присутствию миссис Трелони, сейчас это стало настоящим спасением.

Дама сидела в уголке и деловито печатала в телефоне. Несомненно, вскоре все жители Тренгарта будут осведомлены о событиях этого утра. Поразмыслив, Элли принялась готовить кофе и открыла коробочку с кексом, который купила по дороге на работу в кафе «Боут-Хаус» у пристани.

Она всегда мечтала владеть большим книжным магазином со множеством тихих уголков, где можно полистать книгу, а в соседнем зале расположится уютное кафе с богатым выбором разнообразной выпечки. В реальности же помещение было небольшим, зато, подобно всем заведениям Тренгарта, разумно спланированным. Элли не хватало места расставить все книги, которые она хотела бы закупить, а потому о кафе пришлось забыть, ограничившись широкой стойкой с самой современной кофемашинкой и блюдом с угощением. Выпечку она покупала, и это решало вопрос с необходимостью отвести пространство под кухню. Ей потребовалось всего несколько минут, чтобы выложить на вазы бисквиты, печенье, капкейки и булочки и накрыть их стеклянными колпаками, чтобы дольше сохранить свежими.

– У нас есть ореховые, апельсиновые и сырники булочки. – Элли намеренно произносила вслух то, что писала мелом на доске для меню, надеясь таким образом заставить миссис Трелони оторваться от сообщений и заняться делом. – Ванильные капкейки, большой кекс с морковью и апельсином.

– Не слишком ли рано для сладкого? Непривычный акцент заставил ее вздрогнуть.

– Хотя, пожалуй, я возьму булочку с орехами и кофе.

Элли растянула губы в улыбке и повернулась. Она ни за что не позволит ему торжествовать, дав понять, как он ее расстроил.

– У нас самообслуживание, оплата в кассе. Однако это не для вас, а для покупателей, так что выпейте кофе в другом месте.

– Послушайте, – Макс покосился на миссис Трелони, – мы можем поговорить наедине?

От волнения пульс Элли учащался с каждой секундой. Она ни за что не останется один на один с этим человеком. Сейчас он улыбается, но ее не проведешь.

– Боюсь, нет. Вам, должно быть, привычно оскорблять меня на глазах у моей помощницы, уверена, она ждет не дождется второго раунда.

– Что ж, пусть так.

– Правда? – Она не ожидала, что он так быстро капитулирует. Неожиданное очко в ее пользу. – Говорите, что вы еще хотели добавить.

– Я был немного не в себе.

Элли скрестила руки на груди и приподняла брови. Если Макс Лавдей надеется быстро решить с ней все вопросы, он ошибается.

– Вот как?

– Это меня не извиняет, разумеется, но у нас в семье в данный момент некоторые проблемы, потому я так взвинчен.

– Скажите, мистер Лавдай, – она сознательно использовала такое обращение, – что, на ваш взгляд, хуже – соблазнить ради денег пожилого мужчину или вытянуть их из престарелой леди? И в чем вы меня обвиняете?

Будто она не знает. Если надула несчастную старушку, в этом и его вина, в конце концов, они оба объявлены доверенными лицами.

– Я думаю, бесчестно и то и другое. – Он задержал тяжелый взгляд на Элли, отчего ей стало не по себе. Значит, вернулся не потому, что раскаялся. Похоже, до сих пор уверен, что виновата она.

– Я тоже так думаю. – Удивление в его глазах добавило ей уверенности. – И считаю, что выдвигать незаслуженные обвинения, равно как и являться сюда с выражением напускного

раскаяния на лице только ради того, чтобы заполучить ключи, тоже не очень порядочно. Что скажете, мистер Лавдей?

– Я готов заплатить за кофе.

Слишком ничтожные уступки, но и это много для человека, способного на подобные заявления, не говоря уже о его манерах.

Макс с трудом стоял на ногах, мечтая лечь, даже пол казался ему в этом смысле все более привлекательным местом. Он прилетел из Сиднея и почти сразу отправился в Бостон, потом в Хартфорд, а оттуда в Англию. И все это за несколько дней. Перед глазами стояла серая пелена, и несколько часов сна в салоне первого класса не смогли ее рассеять.

– Вы должны признать, что последняя воля моей тети кажется странной. Оставить все деньги совершенно незнакомому человеку!

В карих глазах появилось то, что Макс считал презрением. Подобное выражение ему никогда не приходилось видеть, он неожиданно для себя обиделся.

– Да, ваша тетя не раз сокрушалась, что не слишком хорошо знает своего внучатого племянника. Полагаю, таким образом она решила наладить с вами контакт.

Черт возьми, он имел в виду вовсе не себя и готов спорить на ночь спокойного сна, что она прекрасно это поняла.

– Она вольна распоряжаться своими деньгами как пожелает. Я не рассчитывал ни на пенни, мне не нужны ее деньги. Она могла бы потратить их на благотворительные цели. Но это? Настоящее сумасшествие. Оставить их вам на проведение фестиваля. Если бы меня предварительно спросили, ни за что не согласился бы в этом участвовать.

Макс отказывался понимать. О чем только думала тетушка? Он ничего не знает об этой девушке, ему нет до нее никакого дела.

– Она не оставляла деньги ни мне, ни вам, ни нам обоим. – Элли начала раздражаться. Может, ей не впервые приходится вести похожий разговор? – Я не имею права потратить и пенни без вашего одобрения, и, наоборот, мы оба должны отчитываться во всех тратах. Здесь нет ни мошенничества, ни вымогательства, мистер Лавдей. Нет ничего, кроме немного причудливой просьбы пожилой женщины. Вы разве не читали завещание?

– Я прочел достаточно, чтобы понять, что этот магазин вам оставила она.

Но без принуждения. Элли Скотт была не только доверенным лицом, но и бенефициаром, унаследовав и магазин, и квартиру над ним, в которой в настоящий момент проживала.

– Да. – Взгляд ее потух, словно солнце на некоторое время скрылось за облаками. – Она всегда была добра ко мне. Видите ли, она моя крестная и лучшая подруга моей бабушки. Вы разве не знали? Я всегда была ей благодарна. За все.

– Крестной?

Черт! Как он мог заниматься этим делом, не разобравшись во всем толком? Это так на него не похоже. Он позволил небрежность, допустил ошибку.

– Именно. Но важнее то, что она ваша двоюродная бабушка, поэтому пожелала, чтобы часть ее имущества принадлежала вам. И оставила вам дом. В этом доме родился ее отец, а он был знаменитым капитаном. Вам он приходится, постойте, прапрапрадедушкой.

– Да, но я ничего о нем не знаю, как, впрочем, и об остальной английской родне. Вы сказали – капитан? Ходил по морю? – Губы тронула легкая улыбка. Он в Корнуолле уже больше часа, а все еще открывает для себя новые факты из истории семьи. – Мой дедушка часто брал меня в море, у него был дом в Кейп-Коде. Он говорил, что спит лучше, когда слышит шум волн. Значит, это у нас в крови.

– В каждой комнате Раунд-Хаус слышен шум моря. Ваша бабушка неспроста оставила вам его.

– Возможно.

Неплохая мысль. Сложно представить. Дом? В Корнуолле? В семи часах лета и утомительной езды в машине от его дома. Было бы разумнее, если бы тетя поручила адвокатам продать его и передать деньги ее любимому музею или больнице. Хороший жест благотворительности.

Впрочем, Максу было приятно узнать новое о корнуоллских предках. Капитан. Возможно, в доме найдутся фотографии.

– Это все очень интересно, – раздался голос из угла, Макс вздрогнул, забыв, что их трое. – Но мне бы хотелось знать, Элли, дорогая, планируете вы фестиваль или нет?

Элли выглядела невозмутимой, лишь перевела взгляд на Макса, потом на помощницу.

– Боюсь, теперь это зависит не только от меня, миссис Трелони. Что скажете, мистер Лавдей? Готовы работать со мной или нам стоит пригласить адвокатов и найти другой способ?

– У меня ответственная работа в Коннектикуте, мисс Скотт, за океаном. Я не могу все бросить и улететь к морю играть роль благодетеля.

По телу пробежала дрожь, когда он подумал о том, что ждет его в ближайшие несколько месяцев. Сможет ли он повлиять на отца или заставить совет директоров встать на его сторону?

В любом случае он обязан победить. Многие из них разделяют его опасения, но можно ли быть уверенным в результате? В случае успеха его и без того хрупкие отношения с отцом будут разрушены. Он согласен заплатить такую цену. И если наследство тетушки поможет вырвать победу, он, по крайней мере, должен выполнить то, о чем она мечтала.

Макс скривился. Он думал, будет проще манкировать обязанностями, возложенными одним из членов семьи, учитывая тот факт, что это завещание покойного.

– Я дам вам две недели, хотя часть этого времени проведу в Лондоне. Либо мы беремся за это, либо нет.

Холодный взгляд Элли остановился на нем. Казалось, она способна заглянуть прямо в сердце и понять, чего там не хватает.

– Отлично.

– Значит, я могу назначить дату собрания? – поинтересовалась миссис Трелони. – У меня много идей, и я знаю, у других тоже. – Помощница перестала делать вид, что работает, и посмотрела на них горящими глазами. – Мы могли бы выбрать определенную тему. Или жанр. Нанять актеров и организовать мистерию с убийствами. – Она оперлась на стойку. – Или что-то связанное с кулинарией, например. Скажем, соревнования по выпечке. Испечь любимый литературный пирог.

Литературный пирог? Макс постарался не встретиться взглядом с Элли, однако не смог сдержаться. Ранее серьезные и печальные, ее глаза вспыхнули, теперь она смотрела насмешливо и лукаво. Ему захотелось улыбнуться в ответ, возможно, тогда и она ему улыбнется, но он хранил спокойное и серьезное выражение лица, стараясь сфокусировать взгляд на миссис Трелони. Тем не менее изредка косился на Элли, украдкой наблюдая за ее реакцией. Она прислонилась к книжному шкафу, сложила руки на груди и с интересом слушала помощницу.

– Прекрасные идеи, – выдавил из себя Макс и был вознагражден широкой улыбкой, довольным выражением лица с ямочками на щеках. – Но мы пока в самом начале. Прежде чем встречаться с... э-э-э... обществом, полагаю, надо переговорить с адвокатами, выяснить размер суммы и так далее. Надеюсь, вы согласны еще немного подождать?

– Что ж, конечно. – Миссис Трелони вздохнула и залилась румянцем. – Я могла бы подготовить список. У меня столько мыслей.

– Я вам охотно верю. – Элли улыбнулась и изящным движением оттолкнулась от шкафа. – Через час должен прибыть курьер, и будет лучше, миссис Трелони, если вы сейчас возьмете перерыв.

– Перерыв? – Дама перевела взгляд с Макса на Элли и согласно закивала.

Элли не произнесла ни слова до тех пор, пока та, подхватив сумку, не вышла из магазина.

– Бедняга. Ей пришлось разрываться между стремлением скорее рассказать всем новости и боязнью упустить еще что-то новое. Впрочем, появление племянника Демельзы даст много поводов для сплетен. Кроме того, – в голосе появилось недовольство, – вы неплохо начали сегодня утром и очень ей помогли.

Вот он, его шанс принести извинения. Макс до сих пор не знал, как вести себя с Элли, но, как говорил дед, гораздо легче судить внутри, чем в холоде снаружи.

– У меня были на то причины. Но с вами это ни как не связано. Простите.

Элли убрала упавшую на лицо прядь волос.

– Не могу сказать, ничего страшного, это будет неправдой, но я готова дать вам второй шанс. Двум чужакам сложно получить поддержку в таком месте, как Тренгарт, если не поладить между собой.

– Чужакам? Вы тоже не местный житель? – Макс не был большим специалистом по британским акцентам, но, с его точки зрения, девушка говорила, как героини тех ужасных фильмов, где женщины носили шляпки, а мужчины колготки, все проглатывали гласные и четко разделяли слова.

– В детстве я каждое лето проводила здесь, а постоянно живу уже три года, но все еще не стала до конца своей. – Элли помолчала. – Послушайте, давайте говорить начистоту. Я бы с удовольствием сейчас отдала ключ и больше никогда не встречалась с вами, но нам придется вместе работать в ближайшие две недели. Сейчас вы устали и не выспались. Отдыхайте, поговорим завтра. И начнем все сначала.

Тон был примирительным, голос уверенным, но в позе ощущалась нервозность. Плечи чуть развернуты и опущены, а руки обхватили тело, словно защищая. Неужели она чего-то боится? Его? Или того, что он может узнать? Или не так безобидна, как хочет показаться?

Ему следовало отвлечься от проблем отца, сбросить на время груз обязанностей перед семьей и компанией, поговорить с адвокатами, выяснить детали завещания и затребовать подробную информацию о мисс Скотт.

– Щедрое предложение. Благодарю. Он заметил, с каким облегчением вздохнула Элли.

– Увидимся завтра здесь же. Я свяжусь с адвокатами и выясню, смогут ли они с нами встретиться. Дорогу к дому найдете?

Она обошла стойку, присела, выпадая из его поля зрения, и появилась уже с ключами. Старыми железными ключами, тяжелыми и массивными.

– Найду, спасибо. Увидимся завтра.

В этих словах слышалось и обещание, и угроза, Макс был уверен, что Элли его поняла.

Глава 3

В магазине было многолюдно. Элли была так занята, что даже не имела возможности сосредоточиться на встрече. Она знала, многие посетители зашли лишь для того, чтобы узнать от нее, а еще лучше от миссис Трелони подробности о личности Макса Лавдея, но каждый что-то купил, пусть даже только кофе.

Вскоре Элли принялась убирать, готовясь к закрытию, откладывая момент, когда поднимется в свою квартиру. Она любила ее, а еще больше тишину и уединение. Любила делать все так, как хочется. Однако сегодня боялась остаться одна, зная, что будет мучиться, вспоминая встречу с Максом Лавдеем, вновь переживать боль за каждое сказанное им грубое слово, презрительный взгляд и едкое замечание. А затем неизбежно вспомнит о своем бывшем женихе, а этого совсем не хотелось.

И завтра ей опять предстоит общаться с Максом.

Как всегда, ритуал закрытия успокаивал. С первого же дня магазин стал ее святилищем. Она тщательно продумывала интерьер и каждую мелочь. Выбирала цвет стен, картины, полки и даже место для каждой книги. Теперь же была вознаграждена и с удовольствием любовалась собственным творением. Никто не ожидал, что книжный магазин будет оформлен с таким вкусом в стиле минимализма.

К семи часам Элли поняла, что дальше откладывать невозможно. Каждая книга занимала свое место, даже детские иллюстрированные издания расставлены по алфавиту, что совершенно бесполезно, поскольку достаточно одного трехлетнего посетителя, и порядка как не бывало.

На полках не было ни пылинки, подушки на диванах и креслах вытрясены и взбиты, пол подметен, мусор выброшен. Она даже пересчитала деньги в кассе.

Никаких дел больше просто не осталось.

Придется уходить.

Элли выключила свет и несколько минут стояла, любясь чистотой в помещении, которое приглушенный вечерний свет делал еще уютнее.

– Спасибо, – прошептала она.

Если бы Демельза Лавдей не оставила ей магазин и не выбрала ее для воплощения собственной мечты, трудно представить, что бы с ней сейчас было. Как крестная из сказки, та подарила Элли спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Теперь у нее любимое дело и квартира. Они принадлежат ей, и никто не сможет у нее их забрать.

Что бы себе ни думал Макс Лавдей, идея с наследством принадлежала не ей. Это стало для нее приятным, но неожиданным подарком, единственным светлым пятном в череде серых будней.

Внезапный стук в дверь заставил Элли подпрыгнуть на месте. Всем должно быть ясно, что магазин в это время закрыт, об этом сообщает табличка на двери, в окнах нет света, и жалюзи опущены. Впрочем, в ее практике бывали случаи, когда человеку срочно нужно купить подарок. Такова специфика маленьких деревень, ни одно заведение не может быть закрыто по настоящему.

– Иду, – крикнула она, направляясь к входу. Отодвинув задвижку и отперев замки, приоткрыла дверь на несколько сантиметров. Она не помнила, чтобы в Тренгарте когда-то орудовали грабители, но все же.

Она сжала ручку двери, когда увидела в темноте очертания высокой фигуры, темные волосы и волевой подбородок.

– Я полагала, мы должны встретиться завтра. – Она сглотнула. При этом не пригласила мужчину войти и даже не открыла дверь шире.

– Я пришел еще раз извиниться. – Макс вытянул руку с бутылкой красного вина и улыбнулся. – Вот, нашел его в погребе тети Демельзы. У нее прекрасная коллекция.

– Сейчас она ваша. – Элли сильнее сжала ручку и даже не сделала попытки взять бутылку. Макс поморщился.

– Никак не могу освоиться. Странно было войти в чужой дом, принять душ в гостевой ванной, ходить и разглядывать незнакомые вещи. Понимаете, я ведь очень плохо ее знал.

Душ? Элли принялась гнать от себя возникшие в голове мысли, но перед глазами встал образ обнаженного Макса. Вода стекала по темным волосам, мускулистому торсу. Она положила руку на живот и поежилась. Этого не может быть, ведь сексуальные желания умерли несколько лет назад. Почему же они решили дать о себе знать именно в этот – такой неподходящий – момент?

– Я хотел купить шоколад, но магазин уже закрылся. – Он махнул в сторону небольшого супермаркета. – Утром они тоже не работали. Они вообще бывают открыты?

Элли перевела взгляд на витрину, радуясь возможности отвлечься от мыслей об обнаженном Максе.

– В школьные каникулы они работают дольше, но в обычные дни закрываются рано. Местные жители к этому привыкли, а туристов может удивить. К тому же мистер Уайтхед постоянно жалуется, что люди предпочитают ездить в соседний город, где более крупный супермаркет.

Вот так. Вежливый скучный комментарий. То, что нужно, чтобы успокоиться и взять себя в руки. Главное сейчас не смотреть на мускулистые руки, покрытые золотистым загаром, и обтянутый футболкой торс. Не смотреть.

– Это, право, лишнее, – продолжала она, сконцентрировавшись на его ухе. Какие непристойные мысли могут возникнуть при взгляде на ухо?

– А мне кажется, нет. – Улыбка его стала печальной. – Я проспал несколько часов и теперь чувствую себя просто ужасно. Всему виной разница во времени. Мой дед был бы возмущен, если бы услышал, как я разговариваю с молодой леди. Он меня не так воспитывал.

Дед? Не родители? Как интересно.

– Короче говоря, я решил подышать свежим воздухом и осмотреть городок, в котором жили мои предки и из которого сбежал мой прапрадед. Вероятно, вы откажетесь составить мне компанию. Не согласитесь показать окрестности?

Нет, совершенно точно, нет. Сегодня ее ждет «Энн из Зеленых Мезонинов». Посылку с книгой в твердом переплете, с иллюстрациями и комментариями Элли получила только утром. А еще у нее есть четверть бутылки вина, кусок лосося и салат. Она с удовольствием проведет очередной вечер в собственной квартире, рассчитанной только на одного человека.

Будет ли безрассудством, если она позабудет обо всем и перед ужином, книгой, ванной и сном отправится на прогулку? Откровенно говоря, Элли частенько гуляла вечерами, разница лишь в том, что сегодня у нее появился спутник. Племянник любимой крестной. Вне всякого сомнения, Демельза хотела бы, чтобы у них сложились хорошие отношения и на них не повлияло впечатление от первой встречи. Нельзя забывать, скольким она обязана своей благодетельнице мисс Лавдей, настало время возвращать долги. Кроме того, неловко быть невежливой, когда человек пытается загладить вину. Хотя она не привыкла к таким поступкам людей.

В животе что-то шевельнулось, Элли опустила глаза, пряча взгляд. Много лет ей твердили, что она не права, какой бы ни была ситуация на самом деле. Ей незнаком тип мужчин, признающих свои ошибки.

Она решительно распахнула дверь и сделала шаг назад.

– Входите. Я только переобуюсь и возьму сумку.

Элли была в серых вельветовых джинсах-скинни и фиолетовой тунике, волосы убраны, косметикой она не воспользовалась. Внезапно она показалась себе незащищенной и подумала, что легкий макияж вполне подошел бы в качестве доспехов.

Макс потоптался на пороге в нерешительности, но тем не менее вошел. Сейчас ей надо извиниться и подняться наверх. Она крайне редко приглашала кого-то в свою квартиру. Не покажется ли невежливой, если оставит его в магазине, а сама забежит домой, чтобы взять кардиган и расчесать волосы? По крайней мере, здесь ему будет что почитать.

– Мы можем подняться ко мне вместе.

Не самое вежливое приглашение, но Макс ему оказалось достаточно. Он прошел за ней к массивной двери в конце магазина, отделяющей личную жизнь от работы. Элли уже привыкла к узкой низкой лестнице, но почувствовала, что Макс двигается медленнее, услышала, как он задел головой потолок на повороте. К счастью, они вскоре ступили на площадку, и она смогла убедиться, что голова его не пострадала. Лестница вела на третий этаж, где располагалась спальня и ванная. Элли прошла вперед по коридору, стены которого были выкрашены в светло-зеленый цвет, а дощатый пол застелен полосатой дорожкой. Окно в дальней стене выходило на улицу. На простых крючках висела вся ее верхняя одежда: куртки, пальто, несколько шарфов. Ботинки и туфли стояли в ряд под ними.

Дверь справа вела в кухню и была немного приоткрыта, к сожалению, достаточно, чтобы увидеть невымытую после завтрака посуду. Элли очень хотелось захлопнуть дверь, но она не решилась. За годы, прожитые со своим бывшим, Саймоном, она научилась быстро все убирать. Чашка и тарелка были оставлены намеренно, в знак протеста, чтобы еще раз продемонстрировать самой себе, что квартира эта ее, и кухня тоже ее, она свободна и имеет право делать все так, как заблагорассудится.

– Проходите прямо. – Она старалась говорить спокойно и убедить себя, что не совершила ничего противоестественного.

Гостиная простиралась на всю ширину здания и выходила окнами на залив. С одной стороны под прямым углом стояли два дивана – большой, обитый красным бархатом, и поменьше, подходящий по расцветке. С другой стороны расположился небольшой обеденный стол с четырьмя стульями. Стены в комнате простого белого цвета, но их почти не было видно под постерами в рамках, рассказывающими о ее любимых книгах за последние три года.

– У вас нет книг? – Макс удивленно огляделся. Элли рассмеялась в ответ, хотя и немного нервозно.

– Очень много, но они в кабинете и на лестнице. Я решила, что не стоит весь день проводить среди них, иначе стану отшельником, а я и без того не очень общительная.

– Вот. – Он протянул ей вино. – Возьмите.

Элли сосредоточенно посмотрела на бутылку. Прежде чем она возьмет ее, лучше прояснить ситуацию. Она покажет ему деревню, и, возможно, в свете заходящего солнца у нее опять возникнут видения. Элли давно дала себе слово не бояться быть всегда честной, она больше никогда не позволит себе превратиться в тихую покорную тень, какой была с Саймоном.

Жаль, что на деле все не так просто.

Она решительно выдохнула:

– Давайте начистоту, мистер Лавдей.

Брови его взлетели вверх, но он не перебил ее, лишь прислонился к стене и сложил руки на груди, готовясь внимательно слушать.

– Вы были не очень вежливы со мной утром, но вы меня впервые видели, и у вас был повод так себя вести. Если бы все решала я, вы бы уже были на пути в Нью-Йорк, однако есть одно но – ваша тетя. Она пожелала, чтобы мы исполнили ее волю вместе, и это надо уважать. Тем не менее хочу предупредить, если вы еще раз позволите себе заговорить со мной в таком тоне, я обращусь к адвокатам и найду способ снять с себя обязанности.

Элли едва не упала, сказав последнее слово, лишь усилием воли удержалась на ногах, не сводя глаз с его лица, пытаясь найти знакомые признаки гнева, например расширенные зрачки, поджатые губы, раздувшиеся ноздри. Как хорошо они ей знакомы.

Она стиснула ладони, стараясь унять дрожь, и ждала. Странно, но лицо Макса Лавдея не изменилось, лишь в глазах появилось нечто, похожее на уважение.

– Откровенное заявление. Или заявления? Итак, во-первых, поскольку нам предстоит работать вместе, называйте меня Макс. Во-вторых, я живу не в Нью-Йорке, а в Коннектикуте, поэтому, если соберетесь отправить меня назад, убедитесь вначале, что пункт назначения верный. И в-третьих, – он помедлил, – признаю вашу правоту. Я был груб. У меня есть на то причины, но к вам это не имеет никакого отношения. Я могу лишь еще раз извиниться перед вами. – Он опять на несколько секунд закрыл глаза. – В моей семье происходят такие вещи, которые заставляют усомниться в существовании альтруизма, а моя тетя оставила вам этот дом.

– Я ее не просила.

– Разумеется, но взгляните на все с моей точки зрения. Я ведь вас совсем не знаю, опираюсь на голые факты. Тетушка была одинока, возможно, ранима и доверчива. Она оставила вам, вернее нам, все состояние, а вас обеспечила жильем и возможностью зарабатывать на жизнь. На бумаге все выглядит очень подозрительно.

Элли поджала губы, недовольная тем, что приходится признать правоту Макса. Она сама испытала шок, когда узнала о завещании и уготовленной ей роли. Впрочем, кое-что она упустила.

– Кажется, вы плохо знали свою тетюшку, верно? – Она рассмеялась. – Я не представляю, чтобы кто-то мог ее надуть. К счастью, она была вовсе не глупа.

– Я совсем ее не знал. Она переехала сюда до моего рождения. Мне следовало увидеться с ней прежде, чем стало поздно.

– Следовало. Ради знакомства с ней стоило перелететь океан. Ладно, я пойду. – Она махнула рукой в сторону лестницы. – Это ненадолго. Располагайтесь и будьте как дома.

Элли выскользнула из комнаты. У нее и в мыслях не было производить на него впечатление, просто без пудры ей не справиться. И надо еще расчесать волосы. Если останется время, можно подкрасить ресницы. Лишь для того, чтобы придать свежести уставшему после долгого трудового дня лицу. Иных причин нет.

Проблема в том, что она опять пытается себя обмануть.

Так вот каков дом Элли Скотт. Светлый, яркий, однако при этом какой-то пустой. Комнату очень украшали и постеры в рамках, и подушечки на диванах, и, разумеется, восхитительный вид из окна на море, но в ней определенного чего-то не хватало.

Фотографий. Здесь совсем нет фотографий. Ни на стенах, ни на буфете, даже на каминной полке над очень уютным очагом, который топят дровами. Макс никогда не встречал женщину, которая не стремилась заполнить личное пространство семейными фото, снимками важных жизненных моментов или портретами друзей и домашних животных. У него самого на столе стояла фотография родителей, а по квартире было развешано несколько детских снимков. Особая гордость – фотография, на которой он в возрасте лет десяти на катере деда сжимает в руке пойманную рыбу.

Возможно, фото скрыты от посторонних глаз, как и книги, но Макс в этом сомневался. Кто же она такая, Элли Скотт? Что заставило молодую женщину переехать в глухую приморскую деревню вдали от цивилизации? Или она, как шелки, вышла из моря и теперь вынуждена жить в человеческом обличье, пока не найдет свою тюленью шкуру? Да, она очень похожа на шелки, по преданию, у них такие же огромные карие глаза и длинные ресницы.

– Я готова. Надеюсь, не заставила вас слишком долго ждать?

После ее обещания собраться быстро Макс приготовился ждать минимум двадцать минут, а прошло не более пяти. Элли сменила лодочки на кроссовки, накинула светло-серый кардиган и распустила волосы. При этом выглядела свежо, словно дриада весной, и совсем не похожа на женщин с безупречным маникюром, идеальной укладкой, облаченных в дизайнерскую одежду, окружавших его в офисе и вне него, с которыми он работал или встречался.

Она отличалась от них, как ледяная вода из родника от переслащенной баночной газировки. Нельзя сказать, что он очень приглядывался, чтобы уловить разницу, просто она слишком очевидна. Знакомясь с девушками, Макс не обращал внимания на их кожу, но, надо сказать, редко встречал женщин, которые могли похвастаться таким здоровым цветом лица. Вернее, не встречал никогда.

– Готовы? – Он не мог отвести от нее взгляд. Смущенный тем, что ведет себя как подросток, заставил себя отвернуться. – Тогда пойдете, дорогая.

Порывистый ветер, который совсем недавно сбивал с ног, стих. Несмотря на поздний час, солнце все еще бросало свет на крыши домов. Мягкое тепло после жаркой и влажной погоды в Штатах и сырой и прохладной сиднейской зимы было приятно. Конечно, зима в Сиднее не такая холодная, как в Коннектикуте, но назвать ее мягкой тоже нельзя.

– Там на холме детская площадка. – Элли указала на возвышение у пристани. – А еще кабинет врача и остановка автобуса, который курсирует до ближайшего города. Наверное, вам это совсем неинтересно?

– Только если я не соберусь сюда переезжать.

– А что же будет с домом? – Она направилась вниз по склону к берегу, Макс двинулся следом.

– Не знаю.

Надо признать, что, войдя в просторный холл Раунд-Хаус, увидев на стенах морские компасы, услышав долетавший сюда гул моря, он ощутил связь между собой и этим местом. Однако сохранять дом не имеет смысла даже из практических соображений.

– Он находится слишком далеко, чтобы приезжать сюда на отдых, но это семейное гнездо, поэтому не хотелось бы его продавать.

– В Тренгарте и без того слишком много домов, использующихся как летние коттеджи, а ему нужны молодые семьи, которые могли бы здесь обосноваться, пустить корни. Сейчас даже ведутся разговоры о закрытии начальной школы, в следующем году детей будут возить на автобусе в соседний город. – Элли замолчала и с грустью посмотрела на холм. – Когдато тут была настоящая главная улица с галантерейными и скобяными лавками, магазинами продуктов и игрушек. У вашей тетушки остались любопытные фотографии еще викторианских времен. Сейчас там только сувенирные магазины, художественные галереи и офисы, выдающие напрокат оборудование для серфингистов, пожалуй, несколько магазинов с детскими игрушками.

Голос ее был грустный. Ностальгия по Тренгарту, в котором ей так и не довелось пожить?

– Вы поэтому сюда переехали? Пустить корни? – Надеется найти здесь человека, с которым можно создать семью? Не похоже, что в ее квартире бывал мужчина. Впрочем, другие члены семьи тоже.

– Я переехала, потому что здесь мне спокойно. Рядом была крестная, я ее любила, доверяла ей.

Она еще больше погрузилась в мысли, и Макс решил оставить тему. Они молча дошли до подножия холма, перешли дорогу, на развилке двинулись правее по узкой тропинке на прибрежном моле. Дома, выходящие окнами на набережную, были яркими, с красочными верандами – веселая мозаика из оттенков синего, зеленого, розового и голубого. Узкие улочки спиралью обвивали холм.

– Это старый город. Некогда здесь жили моряки.

– Некогда?

– Кто-то и сейчас живет. – Она пожала плечами. – Некоторые строения стали домами для пенсионеров, какими-то владеют местные жители. Половина используется под летние коттеджи. Когда наступает сезон, все отлично. Ведь мой доход зависит от туристов, так же обстоят дела и у владельцев кафе, пансионатов, галерей и магазинов игрушек. А если большую часть года коттеджи пусты, у нас проблемы. Поэтому так важно организовать фестиваль, он привлечет сюда новых жителей и туристов.

Элли остановилась, повернулась к морю и оперлась локтями на железные поручни.

– Я люблю этот вид. Море, волны, пришвартованные рыбацкие лодки, катера, яхты. Иногда жалею, что не могу выйти в море, хотелось бы посмотреть, где я окажусь.

Она говорила тихо и задумчиво, вглядываясь в белые гребешки волн. Макс покосился на нее. Похоже, она сейчас в другом мире и совсем не обращает на него внимания.

– Вы не умеете управлять лодкой? Живете на море и не умеете? А серфингом не занимаетесь? – Он оценивающе оглядел ее. Очень стройная, даже худенькая, но в ней чувствуется сила. На доске она смотрелась бы очень эффектно.

Элли покачала головой.

– А плавать умеете?

– Нет. – На губах мелькнула улыбка. – Я люблю море, но только смотреть на него и слушать. Погружаться нет желания.

– Хм. – Макс покачал головой. – Жить в пяти минутах ходьбы и просто смотреть? Я думал нанять лодку и покататься, пока здесь. Предлагаю вам пойти со мной, это изменит вашу жизнь.

– Возможно.

Она не отказалась. Продолжая улыбаться, отвернулась и пошла дальше.

– По этой дороге можно добраться до самого важного места в Тренгарте – паба «Три селедки». Дальше есть еще один бар и пивной дворик с видом на набережную. Там очень красиво, но местные жители туда редко навещают. «Три селедки» более популярны, там нет красивого вида, дымоход чадит, но всегда много вкусной и разнообразной еды.

– Понятно.

– Хотите посмотреть пляж?

– С удовольствием.

Они развернулись и пошли в обратном направлении, мимо главной улицы в сторону широкого променада. Домов здесь не было, помимо нескольких кафе, лишь несколько магазинчиков, торгующих мороженым, кремами для защиты от солнца, детскими пляжными игрушками и костюмами и оборудованием для серфинга, которые Макс оглядел с неподдельным интересом.

– Это «Боут-Хаус», – объявила Элли, когда они подошли к современному зданию из дерева и стекла. – Кафе днем, бистро вечером, а потом популярное местечко, где можно поселиться. Мы с Демельзой ужинали здесь каждую пятницу. Знаете, после ее смерти я приходила одна. Ноги сами несли сюда. Кажется, только сидя здесь в одиночестве, я осознала, что крестной больше нет.

– Я вам сочувствую. Сочувствую, что вы по ней тоскуете, а я не могу разделить эти чувства, ведь я ее совсем не знал. Мне совестно, что никто из нас не пришел на ее похороны, хотя мы всего за несколько месяцев до этого потеряли деда.

Впоследствии, едва взяв в свои руки бразды правления, отец все в компании перевернул с ног на голову.

– Все в порядке. Правда. У меня есть опыт организации похорон.

В ее голосе послышалась горечь, что поразило Макса.

– Кроме того, Демельза точно обозначила, чего хочет, а это немного.

Элли опустила голову и пошла в сторону от кафе к прибрежной полосе пляжа. Макс задержался немного и огляделся, любуясь пейзажем. Тоненькая серая фигурка становилась все меньше. С этой стороны залив окружили не холмы, а отвесные скалы, лишь наверху покрытые растительностью, у подножия каменная масса сливалась с песком и крупной галькой. С другой стороны о скалы с рыком разбивались волны, наводящие на мысль о том, что место спасателя на пляже, пожалуй, пустует напрасно. Однако ничто не могло удержать на берегу серфингистов, на фоне моря тут и там угадывались фигуры людей, некоторые больше похожие на темные точки.

Ветер усилился совсем немного, но Макс сразу почувствовал, как по рукам крадется холодок. Он с удовольствием вдохнул соленый воздух и улыбнулся крикам детей, бегавших по пляжу за резвым щенком. Впервые за долгое время почувствовал, что груз не давит на плечи, а на душе непривычно легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.